

Попов С. Г. Ректор Московской Духовной Академии протоиерей Александр Васильевич Горский: (Опыт биографического очерка) // Богословский вестник 1896. Т. 1. № 3. С. 391—410 (3-я пагин.). (Продолжение.)

**Ректоръ Московской Духовной Академіи
ПРОТОІЕРЕЙ
АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОРСКІЙ.**

(Опытъ биографическаго очерка) ¹⁾.

II.

Служебная дѣятельность А. В—ча началась почти тотчасъ по окончаніи имъ академическаго курса. Слова его отца, за годъ сказанныя въ письмѣ къ Голубинскому, на счетъ выжиданія судьбы оказались теперь для А. В—ча вѣщими. Онъ беззаботно жилъ лѣтомъ въ домѣ родительскомъ: отдыхалъ пока. А въ Академіи въ это время рѣшалась его судьба. Въ Московской семинаріи, въ концѣ 183¹/₂ учебнаго года, уволился въ епархіальное вѣдомство наставникъ церковной и гражданской исторіи Вас. Сем. Сахаровъ, Правленіе Академіи, какъ водилось тогда, должно было прислать замѣстителя на открывшуюся вакансію. Въ старинные годы при назначеніи на преподавательскія мѣста не придерживались строго порядка слѣдованія студентовъ въ разрядномъ спискѣ, а посылали часто не въ очередь, каждаго въ свою епархію и по возможности, — въ тѣ самыя училища и семинаріи, откуда вышелъ студентъ, — въ виду вящшей, какъ объясняли, отъ того пользы для учебнаго дѣла. Такъ могло-бы случиться и теперь, — тѣмъ болѣе, что искателей назначенія въ столичную семинарію было чело-вѣкъ шесть, природныхъ москвичей. Но у А. В—ча, по выходѣ изъ Академіи, остался въ ней сильный покровитель — О. А—чъ. Его-то слово и рѣшило въ правленіи вопросъ о преемникѣ Сахарову: 29 августа имъ назначенъ былъ Александръ Васильевичъ.

¹⁾ См. Б. В. Февраль.

Московская семинарія уже десять лѣтъ существовала на своемъ новомъ мѣстѣ—въ Заиконоспасскомъ монастырѣ. Отъ старой перервинской семинаріи къ этому времени почти не осталось въ ней и слѣда. Прошла между ними рѣзкая грань, которая ясно обозначила два періода въ жизни семинаріи—старый и новый, перервинскій и московскій. Схоластики въ методѣ преподаванія наукъ, отличавшей перервинскій періодъ семинаріи, въ московской не было и духу. Со времени своего перемѣщенія въ Москву (въ 1823 г.), семинарія въ духѣ преподаванія богословскаго съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе слѣдовала въ своемъ преподаваніи формуламъ своего архипастыря. Формулы его катехизиса стали формулами вѣроученія вмѣсто прежнихъ тезисовъ латинскихъ учебниковъ. Не осталась безъ значительнаго вліянія на состояніе наукъ въ новой семинаріи и дѣятельность наставниковъ. Сперва инспекторы, а потомъ и свѣтскіе преподаватели философіи, — (почти всѣ, надо замѣтить, ученики покойнаго Ф. А. Голубинскаго)—не смотря на то, что преподаваніе опредѣлялось еще программами 1814 года, — личнымъ своимъ трудомъ и посильнымъ изученіемъ источниковъ и литературы предмета постепенно сбрасывали мертвыя оковы схоластическихъ латинскихъ учебниковъ и вводили въ свое преподаваніе результаты новыхъ и плодотворныхъ открытій философствующаго ума. Особенно замѣтно это по конспектамъ, выдаваемымъ ученикамъ въ свое время профессорами. Сличая ихъ съ прежними, ясно видимъ, какая громадная разница между конспектами профессоровъ перервинской семинаріи, составленными по Баумейстеру, и конспектами учениковъ Голубинскаго, профессоровъ Заиконоспасской семинаріи, вводившихъ въ логику сильныя идеи Конта, или въ психологію глубокія идеи Якоби. Тоже должно сказать и о преподаваніи реторики, которая подъ вліяніемъ тогдашнихъ профессоровъ постепенно возвышалась до науки словесности. Ясная и легкая постройка періодической рѣчи Карамзина, отгнѣненная грустью рѣчь Жуковскаго, точная рѣчь Пушкина, —наконецъ рѣчь Филарета, — вотъ тѣ элементы, которые, благодаря дѣятельности профессоровъ Заиконоспасской семинаріи, въ образованіе духовенства постепенно вводились преподаваніемъ словесности. Латинскій языкъ не имѣлъ уже нужды быть един-

своимъ языкомъ въ устахъ воспитанниковъ, какъ скоро они повторили хоть нѣсколько звуковъ русской рѣчи упомянутыхъ писателей. При такомъ направленіи дѣятельности не могло быть косности въ преподаваніи и наукъ вспомогательныхъ: историческихъ, математическихъ и языкованіи; историкъ московской семинаріи говоритъ, что ея дѣйствительно и не было ¹⁾).

А. В. поступилъ въ Московскую семинарію, такимъ образомъ, въ самомъ началѣ ея разцвѣта. Предметы, съ которыми ему приходилось знакомить своихъ юныхъ слушателей; какъ самъ онъ сознавался, были ему по душѣ: и богаты матеріаломъ и занимательны; молодыя его силы, еще свѣжія и бодрія, требовали дѣятельности. Оставалось только приняться за дѣло, и А. В. принялся, какъ видно, со всею душой.

Пользуясь свободой постановки предметовъ, онъ читалъ ихъ своимъ ученикамъ почти въ томъ же духѣ и объемѣ, въ какомъ самъ слушалъ ихъ въ Академіи. Мы просматривали представленное имъ въ правленіе семинаріи: „обозрѣніе предметовъ, преподаваемыхъ ученикамъ низшаго отдѣленія по классу гражданской исторіи въ теченіи двухъ послѣднихъ третей 183²/₃ учебнаго года“ и не нашли въ немъ никакой разницы сравнительно съ академическими конспектами по этому предмету ²⁾. Лекціи новаго настав-

¹⁾ Н. И. Кедровъ, — „Моск. Дух. Семинарія“ (1814—1889), стр. 95.

²⁾ Приводимъ конспектъ А. В.-ча съ нѣкоторыми выпусками: „Періодъ III. Отъ основанія Персидской монархіи Киромъ до разрушенія ея Александромъ и начала Греко-македонской монархіи. Періодъ IV. Отъ начала гр.-македонской монархіи до единовладствія Августа. Періодъ V. Отъ единовладствія Августа или начала Римской Имперіи до разрушенія ея на Западѣ. Въ частности. Преемственное послѣдованіе римскихъ императоровъ—отъ начала имперіи до Коммода: Августъ, —его политика и военные успѣхи; начало христіанской религіи. Тиверій, — его хитрость и кровожадность; умерщвленіе собственнаго сына Друза; Сеянъ. Кай Калигула, —господство надъ нимъ безстыдвыхъ женщинъ и отпущенниковъ. Неронъ, —безуміе и жестокость его правленія; первое гоненіе язычниковъ на христіанъ; всеобщее возстаніе противъ него имперіи. Оттонъ, Гальба и Вителій. Веснасіанъ, —его благоразуміе и дѣятельность. Титъ, —его человѣколюбіе и благотворительность; бѣдствія при немъ имперіи. Домиціанъ, —его жестокость и гоненіе на іудеевъ и христіанъ. Нерва. Траянъ, —мудрость его правилъ, воинскіе успѣхи и гоненія на христіанъ, впрочемъ, болѣе по требованію жрецовъ, нежели по собственному его опредѣленію. Средняя Исторія.

ника, должно быть, были интересны и внимательно выслушивались учениками; да и самъ наставникъ, швидимоу, не лишень былъ педагогическаго такта, когда предъ декабрскими экзаменами, въ своемъ донесеніи Правленію объ успѣхахъ учениковъ едвали не о дѣлой половинѣ ихъ оцѣ отовзался, что „при постоянномъ прилежаніи занимались и успѣвали весьма хорошо“¹⁾.

Не знаемъ до подробностей, какъ устроился А. В. на мѣстѣ своего служенія и какъ пошла его жизнь въ шумной столицѣ, но встрѣтила его Москва гостепріимно. Кромѣ опредѣленнаго оклада жалованья, неженатымъ учителямъ семинаріи тутъ же въ монастырѣ предлагалась квартира. Со стороны самаго необходимаго въ жизни, — въ „хлѣбѣ насущномъ“, А. В. такимъ образомъ былъ обезпеченъ. А постоянное общество сослуживцевъ, — особенно, бывшаго его товарища по курсу въ Академіи Вас. Ст. Пономарева, — съ которымъ онъ и жилъ теперь почти вмѣстѣ, — доставляло ему и развлеченіе; значить и „скучать въ жизни“ не приходилось.

Связь А. В. — ча съ родителями, хотя они были теперь еще дальше отъ него, не прерывалась по прежнему. Онъ часто писалъ имъ; и они не оставались въ долгу у него. Вотъ, напр., одно письмо къ нему В. С. — ча, писанное послѣ Святыхъ: „Другъ милой, А. В! прошедшіе наши праздники никогда такъ скучны и тяжелы для насъ не были, какъ нынѣ. Въ первый разъ въ жизни нашей мы провели оные безъ милыхъ нашихъ дѣточекъ! Къ тому же — повторять-ли тебѣ то, чего ты былъ очевидецъ и что кажется должно совершенно кончиться²⁾? Милый другъ! бывши въ Лаврѣ на святкахъ и проводи нѣсколько дней у сестры твоей, въ какомъ ты положеніи нашелъ ее? съ какими чувствами принималъ тебя П. П? каковъ въ поступкахъ противъ сестры твоей? не жаловался-ли тебѣ на меня и въ особенности на маминьку? не говорилъ ли тебѣ о письмахъ моихъ или и

Общее понятіе о среднихъ временахъ и раздѣленіе исторіи среднихъ вѣковъ. I. Отъ разрушенія Зап. Римской Имперіи до Карла V, II. Отъ Карла V. до открытія Америки. (Въ дѣлахъ Правл. Семина. за 183²/₃ г. Ср. обзоръ. предмет., назначаем. для открытаго испытанія студент. М. Д. Акад. при оконч. учебн. 1828³/₉ и 1830⁰/₁ гг., въ дѣл. Акад. Правл.)

¹⁾ См. разряд. списки въ дѣл. Правл. Семина. за 183²/₃ учеб. годъ.

²⁾ Не знаемъ, о чемъ намекаетъ тутъ В. С.

не казалъ ли оныхъ? Кучу этихъ вопросовъ я набросалъ тебѣ потому, что съ избыткомъ почтою нѣтъ отъ нихъ никакой къ намъ вѣсти, и что истиннаго положенія Юлиньки узнать намъ иначе не можно. А признаться тебѣ, что я писалъ не мягко. — Сдѣлай милость, извѣсти насъ со всею твоею откровенностію о томъ, что нашелъ ты переимчивымъ въ положеніи сестры твоей. Твоя скрытность болѣе можетъ насъ томить, нежели прямой рассказъ. Мы надѣялись, что ты въ первомъ же письмѣ опищешь намъ со всею подробностію лаврскія, не московскія святки! — Предъ святками Пономаревъ, съ которымъ А. В—чь вмѣстѣ стоялся, оставилъ семинарскую службу и поступилъ на священническое мѣсто въ Москву. В. С. въ концѣ письма, по этому поводу, и писалъ А. В—чу: „разставшись съ В. Степановичемъ, какъ тебѣ будетъ вести столь? Насъ эта статья много заболитъ. Что падало на многихъ доселѣ, — то упадетъ на тебя одного. Нѣтъ ли какихъ выбудь средствъ благопріятныхъ выпутаться изъ обременительнаго положенія? Въ многолюдномъ братствѣ все спорѣ“. Мать, тутъ же въ коротенькой дрипискѣ, извѣщала А. В—ча о томъ, что одна изъ его комиссій — покупка салфетки — исполнена; она заплатила, — пишетъ она, — за нее шесть рублей; ты свою теперешнюю отиравъ къ тому, кто у тебя просилъ; а вытребовавъ за нее четыре рубля пятьдесятъ копѣекъ, оставь деньги у себя въ запасъ на чемоданъ, котораго у тебя нѣтъ. Другія комиссіи выполнить тогда только беремся, когда высланы будутъ деньги: не въ платежъ сумнѣваемой, а сами нуждаемся. Будь здоровъ и утѣшай насъ собою“. Но утѣшать собою родителей А. В—чу пришлось очень недолго. — Въ маѣ 1833 года, по случаю ожидаемаго въ Академіи перехода бакалавра изъ церковной словесности на другую кафедру, классъ этотъ долженъ былъ сдѣлаться вакантнымъ. О. А—чь увѣдомилъ А. В—ча, что нѣкоторые ихъ члены конференціи желаютъ, чтобы онъ перешелъ изъ семинаріи въ Академію. Возможность этого перехода А. В—ча и привела къ огорченію его родителей. Дѣло въ томъ, что еще во время студенчества два раза возникала у А. В—ча мысль о принятіи монашества; отецъ и мать, какъ мы видѣли, тогда рѣшительно не сочувствовали этому. Теперь, переходъ въ Лавру могъ возобновить и усилить въ немъ стрем-

леніе къ иночеству. Этому-то и опасались родители. — Когда А. В. чь обратился къ отцу за совѣтомъ касательно перемѣщенія, онъ прямо старался отклонить его. „Въ разсужденіи перемѣщенія твоего въ Лавру, — писалъ онъ ему, — неодинаковы у насъ съ тобою чувства и мысли. Въ будущемъ твоёмъ поприщѣ, если это такъ случится, есть нѣчто для тебя лестное; но я не вижу того, что могло-бы тебѣ улаждать. Святая обитель рождаетъ въ тебѣ святые чувства? Для чего же не привести себя здѣсь на мысль и то, какъ обыкновенно живутъ заключившіе себя въ стѣнахъ обители святой? Для чего не взглянуть и на то, кто и что тебя тамъ встрѣтитъ? Первая встрѣча: послѣ свѣта — мрачность, послѣ шума — унылость глухая, послѣ людскости — дикость; послѣ пестроты и разнообразія — односторонняя загрублость! Съ кѣмъ будешь дѣлать время? Съ обязанностями службы; съ товарищами? Труды требуютъ ослабы; постоянная напряженность и убійственна и невозможна; силы душевныя оживляются развлеченіемъ, тѣлесныя — прогулкою! Таковы ли удобства сіи въ Лаврѣ, чтобъ они могли въ достаточной степени отвѣтствовать твоимъ потребностямъ? Корбуха, Виванія прелестны на нѣсколько дней; и то въ два-три мѣсяца года, а дальѣ девять мѣсяцевъ — стѣны да стѣны. Ты рѣшаешься по гробъ посвятить себя трудамъ учености? Обвѣтъ слишкомъ смѣлый. Да развѣ одна академія есть неизсякаемый источникъ занятій ученыхъ? Кто тебя задержитъ, что здѣсь ты можешь сдѣлаться камешкомъ, котораго нигдѣ никто не сдвинетъ? Милый намъ! За будущее нѣтъ пѣруки! Не подумай, чтобы перомъ моимъ водило здѣсь какое-либо упрямство или своекорыстіе. Нѣтъ! Я пишу только то, что прямо вылилось изъ моего сердца! Не мѣстность страшитъ меня; но то, что всего обыкновеннѣе въ этой мѣстности! Доброе дѣло сдѣлалъ ты, другъ нашъ, что поручилъ себя Богу, поручилъ себя и дознанной опытности. Званія свыше прямого не минешь; ни домогательство, ни упорство не состоятъ ¹⁾). Такой прямой и рѣшительный взглядъ отца тогда дѣйствовалъ въ этотъ разъ на сына, и онъ отказался отъ предложенія, сдѣланнаго ему О. А. — чемъ. Недѣли чрезъ

¹⁾ Письмо приведено въ „Воспоминан“, С. К. Смирнова. Пр. Обоз. 1876 г. III, 469.

двѣ онѣ писалъ ему въ отвѣтъ: „получивъ отъ Павла Петровича (зятя А. В.—ча) извѣстіе о томъ, что Вы изволили поручить ему спросить отъ меня, — согласно-ли будетъ мое желаніе съ желаніемъ нѣкоторыхъ изъ членовъ конференціи перевести меня изъ Семинаріи въ Академію, — я счелъ полезнѣйшимъ отвѣчать на сіе Вамъ собственнымъ моимъ письмомъ, и потому прошу принять оное со всею Вашетою ко мнѣ благосклонностію. Мнѣ должно и по совѣсти, и по самому требованію дѣла въ семъ случаѣ быть во всемъ предъ Вами искреннимъ. — Во первыхъ, — если оное желаніе перевести меня изъ семинаріи въ академію принадлежитъ только нѣкоторымъ изъ членовъ конференціи; если напротивъ другіе имѣютъ въ виду болѣе близкихъ къ чредѣ онаго призванія; если при семъ будетъ не безъ разнорѣчія и споровъ: то осмѣлюсь-ли сказать съ великимъ и высокимъ мужемъ: я не лучше пророка Іоны; бросьте меня въ море! Надѣюсь, что если уступлю и безъ противоборствія, у Бога забыть не буду. Во вторыхъ, — общаемый при переведеніи классъ церковной словесности, какъ остающійся незанятымъ, не такъ мнѣ кажется вѣрнымъ: потому что и обычай и справедливость требуютъ переводить на сіи высшаго разряда классы съ низшихъ. Послѣ же таковаго перемѣщенія имѣющій мнѣ остаться классъ какого-нибудь языка не можетъ мнѣ замѣнить того богатства и занимательности предметовъ, какія доставляетъ мнѣ настоящее мое мѣсто. Облегченія трудовъ, какое можно общать себѣ при перемѣнѣ онаго, — имѣя теперь, по благословенію Божию, силы еще не разстроенныя, я не желаю. Въ третьихъ, — просьбы и слезы сестрицы¹⁾ остановили бы и не меня при настоящей моей должности. Совѣты родителей и тѣхъ, которыхъ я спрашивалъ о семъ дѣлѣ, того же отъ меня требуютъ. Собственное спокойствіе при извѣстности настоящаго, чѣмъ пользуюсь, и неизвѣстности будущаго, что манитъ, къ тому же склоняетъ. — Но, да не будетъ жестоко мое слово, — кто совѣтовалъ, тотъ не вникалъ въ мое сердце. Обыкновенно судятъ о всѣхъ мѣстахъ по выгодамъ, какія они могутъ доставлять. Если судить такъ, то настоящее мое мѣсто конечно будетъ имѣть много преимуществъ предъ общаемымъ. Но юношеская-ли еще

1) Мужъ ея въ это время былъ священникомъ въ Москвѣ.

мечтательность, или что нибудь имѣющее во мнѣ основаніе глубже и тверже,—заставляютъ меня совсѣмъ закрыть глаза свои на выгоды при настоящемъ выборѣ. Я люблю науки; мнѣ дорогъ кругъ просвѣщенія; меня радуетъ большая свобода ума въ высшихъ кругахъ. Мнѣ нужно-бы болѣе свободы и для моего сердца: а свобода сердца въ тишинѣ и уединеніи! Вотъ что приостанавливаетъ мое согласіе, по крайней мѣрѣ, внутреннее—рѣшиться на совѣты и просьбы тѣхъ, которымъ—впрочемъ—я долженъ повиноваться“. Въ письмѣ *Θ. А.* съ предложеніемъ занять мѣсто въ Академіи, былъ намекъ *А. В.*—чу на то, что не безвременно было-бы ему избрать себѣ подругу жизни. *А. В.*, продолжая письмо, теперь на это ему пишетъ: „моя будущая участь, и при опредѣленности видовъ съ настоящаго моего мѣста, для меня слишкомъ темна даже въ томъ, что будетъ всегда зависѣть отъ меня. Знаю, что настоящее мое состояніе,—если только Богъ продлитъ мою жизнь,—не есть окончательное; что со временемъ оно должно будетъ получить дополненіе: но какъ? когда? чрезъ что? Не есть-ли и настоящий случай избранія—указаніе и вызовъ къ сему дополненію и опредѣленію? Не знаю, не могу рѣшить—поелику жилъ доселѣ о семъ ни мало не думая, также беззаботно, какъ прежде бывши студентомъ, въ ожиданіи онаго рѣшенія отъ обстоятельствъ“. Въ концѣ концовъ, дѣло о переводѣ въ Академію *А. В.*—чь предоставлялъ на собственное рѣшеніе *Θ. А.*—ча. „Своя воля, свой выборъ,—говорилъ ему въ заключеніи письма *А. В.*—чь,—для меня всего опаснѣе. Ваша воля и Вашъ выборъ для меня будутъ столько же священны, сколько воля и назначеніе самого Промысла. Ибо невидимый Промыслитель не оставляетъ насъ и безъ видимыхъ“¹⁾.

Послѣ такого письма *Θ. А.*—чь, видно, не настаивалъ на своемъ предложеніи, а *А. В.* остался въ семинаріи; впрочемъ,—не надолго: своей судьбы не пришлось ему передѣлать. Въ іюнѣ въ Академіи скончался бакалавръ церковной исторіи *Θ. А. Терновскій-Платоновъ*, и *А. В.* переведенъ на его мѣсто.

¹⁾ Письмо *А. В.*—ча къ *Θ. А. Голубинскому* отъ 19 мая 1833 г., у *Д. О. Голубинскаго*.

Въ семинаріи А. В—чь „проходилъ свою должность съ отличною дѣятельностію и превосходнымъ успѣхомъ“¹⁾, и потому, съ переходомъ его въ Академію, она лишилась въ немъ даровитаго и усерднаго къ дѣлу наставника. Впрочемъ, несомнѣнно, этотъ переходъ совершился къ лучшему—для учебнаго дѣла и для науки: Останься А. В—чь въ Москвѣ, — онъ быть можетъ постепенно увлекся бы въ круговоротъ столичной жизни, женился-бы, а тамъ-Богъ вѣсть, что-бы съ нимъ было; очень просто — затерялся-бы въ толпѣ, какъ и тысячи другихъ многообѣщавшихъ дѣятелей. Академія сохранила его отъ этого. — На новомъ мѣстѣ служенія А. В. совсѣмъ осѣлъ,—не покидалъ его до самой своей кончины. Это время обнимающее собою сорокъ слишкомъ лѣтъ, почти полвѣка, не богато ни особенными приключеніями въ личной жизни А. В—ча, ни выдающимся какими-либо грандіозными дѣлами на пользу собственно Академіи и студентовъ. Оно почти все утекло у него на выполненіе обычныхъ обязанностей службы и разныхъ порученій, какія то и дѣло возлагало на него то училищное, то епархіальное начальство, то различными учеными общества, собраніями, комиссіи, комитеты и т. п. учрежденія. Тутъ, дѣйствительно, не мало сдѣлано А. В—чемъ для отечественной науки и просвѣщенія; за то отъ этихъ учреждений останется ему вѣчная благодарная память.

Переходъ А. В—ча въ Академію совершился въ вакацію, когда онъ послѣ семинарскихъ экзаменовъ отправился въ Кострому и жилъ тамъ у отца съ своею сестрой²⁾; поэтому надо полагать, что дѣло это устроилось опять при посредствѣ и хлопотахъ Ѳ. А—ча. — Воспоминанія объ академіи въ теченіе года не могли еще изгладиться у А. В—ча, и онъ ѣхалъ въ нее послѣ лѣтнихъ каникулъ, подъ прежними впечатлѣніями о ней. Академія за этотъ годъ ни въ чемъ не измѣнилась; составъ служащихъ лицъ, порядки оставались все тѣ-же. Но теперь его отношенія къ ней существенно измѣнились: онъ вступалъ въ родныя стѣны уже не студентомъ, а въ число тѣхъ, которымъ вручено

¹⁾ См. аттестатъ, выданный ему изъ Правл. Семинар. при переходѣ на службу въ Акад. Въ дѣлахъ Семии. Правл. за 183³/₄ гг.

²⁾ См. письмо В. С. къ А. В. отъ 20 іюня 1833 г., въ арх. Горскаго.

направлять и вести за собою другихъ. Привыкать къ этому новому своему положенію было недолго и не трудно для А. В—ча: на помощь ему и здѣсь являлся Ѳ. А—чъ, съ его предупредительными на все совѣтами, указаніями и наставленіями.

Первое время службы въ Академіи какъ-то темно въ жизни А. В—ча, и мы положительно не знали-бы, что о немъ сказать, если бы не сохранилось до насъ нѣсколько писемъ его отца и приписокъ на нихъ матери и брата.— Видно, академическая каѳедра только издали манила А. В—ча; а ближе, на дѣлѣ, она оказалась не столь привлекательной: была громада историческаго матеріала, который нужно было обрабатывать; приходилось А. В—чу заниматься этимъ дѣломъ безъ устали, не зная покоя. Такъ съ А. В—мъ на первыхъ порахъ и было. Предъ святками отцу нужно было уговаривать его—ѣхать домой. „Во время святокъ, въ пятнадцать какихъ-нибудь дней, ты идѣешься,— писалъ онъ ему,—нѣсколько пожать великана тринадцатистолѣтняго. Посмотри,—станетъ-ли силъ твоихъ, силъ безъ сумленія утомленныхъ, изнуренныхъ, измученныхъ? Не лучше ли дать онимъ нѣкоторую ослабу? Постоянное, безослабное напряженіе не всегда благоуспѣшно“¹⁾. И не смотря на это А. В. все-таки не поѣхалъ. За усиленной работой у него часто не хватало времени даже написать своимъ родителямъ; а долгое молчаніе его всегда ихъ беспокоило. Послѣ одного перерыва въ его перепискѣ, случившагося въ концѣ перваго учебнаго года, В. С. писалъ ему: „вотъ четвертая уже тому недѣля, какъ мы не видимъ твоихъ строчекъ, твоей даже чертиночки. — Пусть будетъ неоспоримою правдою, что у тебя нѣтъ свободнаго времени, что и минутами ты дорожишь; но мы не требуемъ отъ тебя обширныхъ вѣстей: я здоровъ—вотъ начало, вотъ середина, вотъ и заключеніе твоего къ намъ письма. — Писать будешь, — наказывалъ ему,—не отнимай у себя времени на пустыя росказни. И я для того не хочу писать болѣе, чтобы сберечь твое сокровище“²⁾. Мать это молчаніе положительно убивало. Съ скопившеюся на сердцѣ грустью въ

¹⁾ Письмо В. С. къ А. В. отъ 21 ноября 1833 г., въ арх. Горскаго.

²⁾ Письмо В. С. къ А. В. отъ 19 іюня 1834 г., въ арх. Горскаго.

письмѣ отца она писала ему: „другъ милой! не забылъ-ли ты кровныхъ своихъ, которымъ ничего нѣтъ тебя дороже? Что почта, то ожиданіе; что почта, то новая скука: четыре недѣли не знать о тебѣ, не легко и выговорить; а каково для сердца переносить? Милой папъ, не томи насъ своею неизвѣстностію“. Родители, требуя отъ сына частой переписки съ ними, опасались за его здоровье. Недѣли за двѣ— за три до послѣдняго письма, отецъ ему писалъ: „главной, единственной предметъ нашей заботливости—твое здоровье. Видоки говорятъ, что ты на глаза ихъ, слава Богу, здоровъ; но вѣрить-ли тому, что говорятъ? Видоки твои люди временные, люди мимоходные, коимъ удалось на тебя взглянуть вскользь, нѣсколько минутъ. Между тѣмъ мы все-таки въ невольномъ сумнѣніи о твоёмъ положеніи, — сумнѣніи тѣмъ болѣе и болѣе увеличивающемся, что занятія твои, приливаясь къ учебному берегу, возрастаютъ со дня на день и не даютъ тебѣ, вѣрно, свободно подышать животворнымъ воздухомъ. Не заставляемъ писать тебѣ много; одно только у насъ на сердцѣ—твое здоровье. *Si vales, bene est; nos quoque valemus*“¹⁾). Опасенія эти были не напрасны. Постоянная напряженность умственныхъ силъ замѣтно повліяла на здоровье А. В., такъ что отецъ однажды съ горестію писалъ ему: „былъ у насъ живой свидѣтель быта твоего. Онъ не скрылъ отъ насъ, что ты чрезъ мѣру, безъ пощады жертвуешь собою академическимъ трудамъ. Онъ удивляется и безцвѣтности и худобѣ и 25-ти лѣтней твоей старости. Это значитъ, что дѣла тебя замучили. Но вѣдь всего не захватить, всего не вычерпашь. Будешь беречь себя, на долъше тебя станеть. Ты сохнешь отъ себя, а мы сохнемъ и отъ тебя и за тебя. Не огорчись моими выраженіями, онѣ скатились у меня съ пера невольно. Любовь наша къ тебѣ горяча—притворяются не умѣсть и не хотеть. Если ты себя не любишь, такъ мы тебя любимъ и любить не перестанемъ“. Тоже самос замѣчали и говорили А. В.—чу и со стороны. Одинъ землякъ его какъ то писалъ ему изъ Костромы: „жалѣю, очень жалѣю, что Вы любя мудрость, не любите себя; миѣ сказали, что Вы уже не тотъ А. В.—чѣ бодрый, крѣпкій, мощный, румяный, каковъ были прежде,

1) Письмо В. С. къ А. В. отъ 8 іюня 1834 г., у О. П. Салмановой.

по пустынный и съ могильной фізіономіей. Что Вы сдѣлали съ Батюшкою и Матушкою Вашими? Я за Васъ опасаюсь“¹⁾).

Понятно,—съ какимъ всегда нетерпѣніемъ отецъ и мать ожидали пріѣзда къ себѣ сына. Мечтать объ этомъ они начинали чуть-ли не за мѣсяць и по пальцамъ высчитывали тѣ дни, когда должны будутъ увидѣться съ своимъ „милымъ другомъ“ А. В.—чемъ. „Скоро-ли будетъ роздыхъ нашей перепискѣ?—писалъ однажды ему предъ вакаціей отецъ.—Почти цѣлый мѣсяць до каникуловъ! Времени по видимому не много; но для ожидающихъ и ожидаемаго оно значительно. Вооружимся терпѣніемъ. Были опыты, что солнышко то останавливалось, то взадъ подвигалось, но впередъ никакая сила его еще не талкивала! Вооружимся терпѣніемъ!“²⁾. А въ послѣдніе передъ пріѣздомъ дни они просто томились ожиданіемъ, и это не скрывали въ письмахъ къ сыну.

Предъ вакаціей 1835 года В. С.—чь писалъ ему: „Вотъ уже 25-е Іюня. Теперь каждая тройка лихихъ и усталыхъ, каждой звукъ валдайскаго пѣуна или простого бубенчика—и глазъ и ухо невольнымъ образомъ и рано по утру, и поздно къ вечеру и въ знойной часъ полдневной будутъ манить насъ то къ окошку на берегъ волжскій, то къ воротамъ на улицу. Мы никакъ не воображаемъ, чтобы ты согласился безъ сильныхъ резоновъ томить нашу нетерпѣливость своею отсрочкою!“³⁾ За то, когда А. В.—чь пріѣзжалъ домой, тамъ не знали какъ его лучше принять, какія удовольствія ему лучше доставить. А. В.—чь больше всего любилъ покой и свободу. Родители это знали; В. С.—чь разъ потому и писалъ ему, приглашая его домой: „у насъ ты найдешь безмятежный отдыхъ, свободный пріютъ. Новый халатъ — на диванѣ, новые сафьянные сапоги подлѣ дивана давно давно тебя ждутъ для спальнаго наряда“; — какъ будто старался заманить его этимъ. Въ другомъ Вл. Васильевичъ изъ Петербурга пишетъ: „я съ вами и теперь у Васъ, вижу всѣхъ. Вотъ братецъ сидитъ

1) Письмо къ А. В.—чу Маевского, въ арх. Горскаго.

2) Письмо В. С. къ А. В. отъ 20 іюня 1833 г., въ арх. Горскаго.

3) Письмо у О. П. Салмановой.

вокругъ круглаго стола, играетъ съ маленькимъ—миленькимъ Сашенькою; подлѣ него маменька крестная, —тетенька Марѳа, а тутъ противъ братца сидитъ сестрица и держитъ на рукахъ Сашиньку, —и среди всѣхъ—маминька. Папинька за вечерней. Ну не правда-ли, что я у Васъ?¹⁾ Дни пребыванія А. В—ча въ Костромѣ были настоящимъ праздникомъ у родителей: родственники и знакомые, одинъ за другимъ спѣшили увидаться съ рѣдкимъ гостемъ В. С—ча и потому его домъ былъ всегда полонъ посѣтителями. А. В—чѣ послѣ ни у кого не оставался въ долгу, —вмѣстѣ съ В. С. онъ всѣхъ обходилъ. Гостилъ дома онъ очень не долго, лѣтомъ—недѣли двѣ²⁾, а на святкахъ и на Пасхѣ и того меньше. За отсутствіемъ желѣзной дороги путешествія туда совершались на ямскихъ—въ обществѣ какого-либо земляка-студента³⁾. Описаніе одной такой поѣздки было сдѣлано самимъ А. В—чемъ.

Мы говорили о чрезмѣрныхъ трудахъ А. В—ча и объясняли ихъ громадою историческаго матеріала, который приходилось ему разработывать для своихъ лекцій. Но эти труды увеличивались еще отъ добровольно взятой имъ на себя должности секретаря Академическаго Правленія по Казанскому округу. Кто хотя не много знакомъ съ канцелярской работой, тотъ, безъ сомнѣнія, пойметъ, чего она стоила А. В—чу. А тутъ еще, послѣ перемѣны въ 1836 г. ректора въ Академіи, митрополитъ потребовалъ донесенія о состояніи архива. Хранившіяся въ немъ дѣла, благодаря невнимательному къ нимъ отношенію ректора Поликарпа, находились въ страшномъ безпорядкѣ: одни были не рѣшены еще съ 20-хъ годовъ, другіе не полны, а нѣкоторыхъ и совсѣмъ не оказалось въ архивѣ. Нужно было ихъ разыскивать, снимать съ нихъ копии, составлять имъ реэстры, приводить все въ надлежащій порядокъ. Труда было не мало. Въ началѣ этимъ смущался и самъ ректоръ Филаретъ, когда просилъ у митрополита снисхожденія и вразумленія. Митрополитъ постарался ободрить его и отвѣчалъ

¹⁾ Письмо Вл. В—ча къ В. С—чу отъ 25 дек. 1837 г., у О. П. Салмановой.

²⁾ См. въ письмѣ А. В. къ К. И. Невоструеву отъ 26 Марта 1857 г. въ арх. Гор—го.

³⁾ См. письмо къ А. В—чу Павла Казанскаго (бывш. препод. Нижегород. Семинар.) отъ 27 Дек. 1852 г., въ арх. Гор—го.

ему: миръ съ вами. Не скучайте затрудненіями, Запущенное приводитъ въ порядокъ обыкновенно затруднительно. Богъ пошлетъ помощь и облегченіе“ ¹⁾). Черезъ пять мѣсяцевъ требованіе митрополита, наконецъ, было исполнено; онъ остался доволенъ: А. В.—чѣ самъ почувствовалъ свое облегченіе и на другой день записалъ въ дневникъ: „вчера я увидѣлъ плодъ долговременнаго занятія трудомъ, казавшимся мнѣ самымъ скучнымъ и безплоднымъ. Какъ жалѣю я, что не нашлось у меня безропотной покорности, когда только приступалъ къ этому труду. Тогда плодъ для меня былъ бы двойной“ ²⁾).

Этотъ годъ и вообще былъ тяжелъ для А. В.—ча. Его домъ посѣтило семейное несчастіе: умеръ мужъ сестры и она послѣ того принуждена была съ оставшимся малюткою мыкать горе въ домъ у родителей ³⁾).—Братъ въ это время въ семинаріи кончалъ курсъ. А. В.—чѣ думалъ провести четыре года его академическаго образованія вмѣстѣ и льстилъ себя надеждою, что самъ будетъ въ состояніи помогать ему на пути новой его жизни ⁴⁾). Но случилось вопреки всякихъ ожиданій: вмѣсто Московской братъ былъ посланъ въ Петербургскую академію. Хорошо еще, что тамъ профессорствовалъ давнишній другъ А. В.—ча Д. Θ. Вознесенскій и ему можно было поручить брата: а то его и родительское сердце тоже не знало-бы себѣ покоя.

Слѣдующій 1837 годъ имѣлъ рѣшительное значеніе въ жизни А. В.—ча: онъ столкнулъ его лицомъ къ лицу съ самимъ митрон. Филаретомъ, а это подѣйствовало на всю его

¹⁾ У С. К. Смирнова, 254.

²⁾ Прибавл. къ Тв. Св. Оо. XXXIV, 175.

³⁾ Письмо А. В. къ какому-то родственнику архіерею отъ 25 апр. 1837 г., въ арх. Горскаго. „Вашему Преосвященству не безызвѣстно, что сестра моя была выдана въ Москву за бакалавра П. П. Птицына, который, оставивъ училищную службу, опредѣлился здѣсь во священники. 20 ноября прошедшаго года послѣ пятнадцатилѣтняго супружества она овдовѣла, оставшись съ однимъ сиротою, который впрочемъ и самъ недѣлъ черезъ семь послѣ того померъ. Какъ во время болѣзни П. П., такъ и по смерти его я нѣсколько времени жилъ въ Москвѣ; пріѣзжали къ намъ и родители, оплакивали горе сестрицы и управившись со всѣми дѣлами взяли ее къ себѣ“.

⁴⁾ См. черновое письмо А. В. къ профессору С.-Петербур. Акад. Дм. Осед. Вознесенскому, въ арх. Горскаго (безъ даты).

судьбу. Случилось это просто. Въ іюнѣ шли въ академіи публичные экзамены; по обыкновенію присутствовалъ на нихъ и митр. Филаретъ. Когда очередь дошла до экзамена по церковной исторіи, тутъ то и повстрѣчались между собой молодой профессоръ и свѣтило церкви—митр. Филаретъ. А. В.—чу привелось держать довольно длинный диспутъ съ владыкой по предмету своихъ лекцій ¹⁾. Митрополитъ, видимо, пыталъ его самъ и въ концѣ убѣдился въ его правоспособности занимать такую серьезную кафедру. Съ этихъ собственно поръ и начинаются близкія отношенія А. В. къ митр. Филарету и быстрое его повышение по службѣ. Въ томъ же году онъ былъ возведенъ въ экстраординарные профессора, а чрезъ два года въ ординарные. Тогда же стали давать А. В.—чу и разныя порученія и работу ²⁾. Такъ въ видѣ первоначальнаго опыта ему поручено было составить священную географію для преподаванія въ духовныхъ семинаріяхъ ³⁾; а потомъ еще: пересмотрѣть и исправить книгу: „краткое описаніе Сергіевой лавры“ ⁴⁾, (составленное къмъ то въ 1829 году).—Порученія эти съ каждымъ годомъ стали все уащаться и уащаться.

Къ этому времени почувствовалъ свои силы и самъ А. В. Въ теченіе пяти-шести лѣтъ онъ настолько освоился съ своимъ предметомъ, что академическая бібліотека не стала удовлетворять его и онъ рѣшился заглянуть въ другія книгохранилища. Возникла мысль, явился и спутникъ—ректоръ Филаретъ (Гумилевскій). Экскурсія съ учеными цѣлями состоялась лѣтомъ 1840 года. Филаретъ жилъ въ Москвѣ, въ Богоявленскомъ монастырѣ. Соглашеніе съ нимъ, видно, сдѣлано было раньше; ибо изъ Москвы онъ уже писалъ

¹⁾ Дневникъ. Приб., XXXIV, 133.

²⁾ См. брошюру: „Памяти ректора М. Д. А. прот. А. В. Горскаго“, стр. 3.

³⁾ Письмо А. В. къ брату отъ 21 окт. 1841 года, у О. П. Салмановой.—„Я занимаюсь теперь географіею св. земли. Цѣль этихъ занятій та, чтобы, по назначенію начальства, составить книжку для преподаванія въ Семинаріяхъ при Церковно-библейской Исторіи. Что изъ этого выдетъ впоследствии, не знаю, но я нахожу для себя большое утѣшеніе мысленно путешествовать по св. землѣ. Всѣ событія тамъ совершившіяся становятся въ памяти живѣе отъ соображенія мѣстныхъ обстоятельствъ, языкъ священ. писателей, ихъ описывавшихъ, удобовразумительнѣе“.

⁴⁾ См. въ дѣлахъ Акад. Прав. за 1840-й годъ, № 10.

А. В—чу: „хотя митрополиту не говорилъ и о поѣздкѣ въ Иосифовъ монастырь, но нѣтъ причинъ — сомнѣваться въ томъ, чтобы онъ не позволилъ ѣхать. Съ другой стороны мнѣ хочется скорѣе отсюда уѣхать, между тѣмъ какъ въ Академіи дѣлъ нѣтъ. Итакъ соберитесь, какъ только получите письмо и приѣзжайте сюда. Возьмите пожалуйста: а) тетрадь, въ которой съ синодальной рукописи записаны церковные писатели, коихъ сочиненія есть на славянскомъ; б) описаніе рукописей графа Толстаго, в) Калайдовичевы памятники. XII в. и Экзарха Болгарскаго“¹⁾. А. В.—чь, конечно, долго ждать себя не заставилъ, и они, во всеоружіи ученыхъ вспомоgetельныхъ средствъ, отправились въ путь. Сообщая послѣ кое-что объ этой поѣздкѣ брату (тогда Пекинскому миссіонеру), А. В. писалъ ему: „въ настоящую вакацію, не успѣвъ побывать дома въ свое время, я воспользовался ея днями, чтобы посмотрѣть ближайшія обители, извѣстныя по богатымъ историческимъ воспоминаніямъ. Я видѣлъ монастыри: Воскресенскій или Новый Іерусалимъ, основанный патр. Пикономъ, и Иосифовъ Волоколамскій; на обратномъ пути изъ Волоколамскаго монастыря былъ въ Пѣшиношскомъ, и видѣлъ Дмитровъ, бывшій прежде столицею княженія Дмитровскаго. Главною цѣлію, при посѣщеніи двухъ первыхъ мѣстъ, было поискать въ тамошнихъ бібліотекахъ новыхъ матеріаловъ для Русской Церковной исторіи; это заставило пробыть въ Волоколамскомъ монастырѣ, совершенно глухомъ и уединенномъ, болѣе трехъ сутокъ, — сколько позволили обстоятельства. Не попадавшіяся прежде подъ руки сочиненія самого Иосифа, его учениковъ и другихъ лицъ, здѣсь найденныя, вознаградили мое любопытство. Монастырь Воскресенскій не столько представилъ пищи для ученаго любопытства: но одна мысль, что въ семь монастырѣ, въ его великолѣпномъ храмѣ Воскресенія Христова, — такъ сказать, повторена свитыня Іерусалимская, представлено въ ближайшемъ подобіи все, что желалось-бы видѣть на землѣ, ставило его всегда высоко въ душѣ моей. Храмъ великолѣпный снаружи, поражалъ величественностію и внутри; но скудость нынѣшнихъ спосо-

¹⁾ Письмо Филарета къ А. В—чу отъ іюля 1840 г. въ „Прибавлен“. XXXI, стр. 203.

бовъ содержанія не позволяетъ держать его въ соответственномъ его величію убранствѣ. Гробъ Иисусовъ и другіе памятники послѣдняго Его пребыванія на землѣ, какъ въ Іерусалимѣ, такъ и здѣсь, не отличаются пышностію и богатствомъ.—Тѣмъ глубже это дѣйствуетъ на душу созерцающую сію святыню“. Въ заключеніе А. В. совѣтовалъ брату, когда онъ вернется въ Россію, — самому побывать въ монастырѣ: онъ недалеко отъ столицы, а между тѣмъ такъ много содержитъ въ себѣ предметовъ для вѣчной памяти ¹⁾). Обѣздъ монастырей, въ общемъ, немного занялъ времени: Къ половинѣ августа А. В.—чѣ былъ уже въ академіи и—едва было не принять монашество.

Въ дневникѣ подѣ шестнадцатымъ августа, днемъ рожденія, у него записано: „нынѣшнее новолѣтіе моей жизни представилось мнѣ благовременнымъ къ заключенію моего неопредѣленнаго состоянія. По благодати Божіей, мнѣ уже 28 лѣтъ; послѣднихъ восьми лѣтъ было достаточно для того, чтобы естественныя расположенія къ тому или другому званію могли опредѣлиться и обнаружить самихъ себя, Отличія свѣтскихъ почестей меня не прельщаютъ. Единственное званіе, къ которому располагаютъ меня и рожденіе и воспитаніе, и образованіе и любовь, и достоинство, есть духовное званіе. Въ немъ три вида служенія: ученое, бѣлаго духовенства и иночества.—Первое, извѣстное мнѣ по собственному опыту, имѣетъ ту невыгоду, что даетъ работу почти одной головѣ. Сколько ни высоко цѣнится образованіе ума, но и по христіанскимъ правиламъ, и по сужденію здраваго смысла, не въ этомъ заключается вся цѣль человѣка. Служеніе бѣлаго духовенства, высокое само по себѣ, носить въ себѣ особую печать благословенія Божія въ томъ смиренномъ видѣ, какой усвоень ему въ церкви. Я сталъ бы просить Бога, чтобы Онъ удостоилъ и мнѣ быть въ числѣ такихъ служителей, если бы съ симъ не соединялось, по нашимъ установленіямъ церковнымъ, требованіе прежде вступить въ бракъ. Такое требованіе не совмѣстимо съ угрюмыми привычками къ одинокой жизни, уже укоренившимися во мнѣ, и вообще съ нерасположеніемъ къ супружеской жизни. Смиренный путь иноческой жизни въ

¹⁾ Письмо А. В.—ча къ брату въ Пекинъ отъ 21 окт. 1840 г. у О. П. Салмановой.

томъ мѣстѣ, гдѣ нахожусь я теперь, могъ бы доставить мнѣ все, что представляется лучшаго въ томъ, или другомъ, или третьемъ видѣ духовнаго служенія. Ученыя занятія соединялись-бы съ жизнью по правиламъ, руководствовавшимъ уже многихъ къ духовному совершенству; жизнь подкрѣплялась-бы благодатію священнодѣйствія. Каждому надобно помнить, что одинъ намъ путь ко спасенію—покаяніе, самоотверженіе и преданность Богу. Поэтому кто рѣшается, оставивъ все, идти симъ спасительнымъ путемъ, тотъ, хотя бы былъ въ мірѣ, не могъ бы жить по общимъ правиламъ; сталъ бы отличаться отъ міра во всѣхъ своихъ поступкахъ, во всей жизни. Что же удивительнаго, если такой человекъ ищетъ особаго мѣста для жизни своей—вступаетъ въ монастырь. Не возбуждаетъ-ли напротивъ радость мысль о такомъ человекѣ, который, помня свой христіанскій долгъ, поспѣшаетъ укрыться подъ сѣнь, приготовленную церковію, чтобы не погубить таящееся благочестивое стремленіе? И когда онъ строго исполняетъ свои правила, не связанный никакими другими заботами, только занятый душевнымъ спасеніемъ, то какъ не ублажать его подвиговъ?“ — Оказывается, — это было черновое письмо А. В.—ча къ родителямъ, въ которомъ онъ просилъ у нихъ совѣта и благословенія на задуманное имъ дѣло, переписанное только въ дневникъ—для памяти. Огорченный В. С. въ отвѣтъ написалъ ему: „неожиданная, невоображаемая нами вѣсть твои въ такое насъ поставила положеніе, въ какомъ бывають обыкновенно оглушенные внезапнымъ, жестокомъ ударомъ громовымъ! И мысль, и перо не знаютъ до сихъ поръ, что отвѣчать на твои строки. Двадцать восемь лѣтъ протекло твоей жизни! въ продолженіе этого твоего поприща мы ничего въ тебѣ для себя не видѣли, не чувствовали, кромѣ отрады, утѣшенія и радости. Слава Богу! Такими же приятными, сладкими надеждами ласкали себя и въ будущемъ. Но что мы видимъ въ твоихъ предположеніяхъ?—Дѣйствительно, давно пора избрать тебѣ званіе болѣе опредѣленное, нежели просто ученое. Не только товарищи твои—многіе изъ младшихъ тебя опередили во многомъ. Мы никогда тебя не только своими желаніями, или убѣжденіями, даже мыслями не привязывали къ тому, чтобы цѣлый вѣкъ ты рылся въ одной ученой пыли. Благо-

даря Бога, на полѣ умозрѣнія ты достаточно собралъ для себя, нескудно посѣялъ для себя, нескудно посѣялъ для другихъ: имѣешь, безъ зазрѣнія совѣсти, всякое право оплодотворить умозрительное дѣятельнымъ,—и пожить собственно какъ будтобы для себя. Теперь—ужели иноческое званіе, и описываемое тобою и признаемое лучшимъ изъ званій, есть то единственное званіе, въ которомъ можно жить для себя и для Бога? Ученые иноки—не пустынноики, въ кругу общежитія они такіе свѣтильники, которыхъ передвигаютъ непрестанно съ мѣста на мѣсто, такъ что они живутъ болѣе чужимъ, нежели своимъ произволеніемъ. Въ такомъ тревоженіи можно-ли быть мирну? Не блестящія почести, конечно, манятъ тебя подъ клобукъ и мантию; но это невозможно, чтобы дали твоему свѣтильнику стоять подъ спудомъ. Гдѣ же будетъ искомое тобою мирное, безмятежное пристанище собственно для твоей духовной жизни? Хвалить передъ тобою, или чернить какое-бы то ни было состояніе, я не хочу; потому что всякое состояніе въ кругу общежитія человѣческаго, какъ провидѣніемъ Божиимъ установленное, хорошо: слѣдовательно, путь къ небу есть изъ всякаго званія.—Впрочемъ, на бумагѣ, перомъ я не въ состояніи выразить того, что бы, кажется, вылилось изъ души моей тебѣ на словахъ,—и особенно изъ души твоей маменьки, сестры и родныхъ. Я не предполагаю, чтобы открытая тобою намъ рѣшительность твоя такъ могла быть близка къ концу своему, чтобы ты лишилъ насъ удовольствія видѣть тебя въ Костромѣ на святкахъ. Въ этой надеждѣ свиданія твоего съ нами находи успокоеніе, кладу и перо мое на покой до будущихъ твоихъ пріятнѣйшихъ для насъ строкъ¹⁾. А мать, въ слезахъ и на колѣняхъ, умоляла его сжалиться надъ ними и не отнимать у нихъ послѣдняго утѣшенія. „Милый другъ нашъ,—писала она, — А. В.—чь! Какое мы письмо отъ васъ получили! оно такъ насъ поразило. День твоего ангела весь провели въ тоскѣ и слезахъ—папенька и я и сестрица твоя. Съ ней я довольно поплакала. Не забыли мы проводы Володеньки, — но они легче того, что ты вздумалъ. На колѣняхъ молю тебя—не говорю, что плачу: слезы всегда со мною—и прошу:

1) Письмо В. С. къ А. В. отъ 2 Сент. 1840 г., у. О. П. Салмановой.

сжался надъ нами, тебѣ быть нашимъ утѣшеніемъ. Вздумать не могу о тебѣ,—какую долю выбираешь себѣ! Такою скорбію объято сердце мое, что объяснить тебѣ не могу ¹⁾). Эти родительскія убѣжденія и просьбы подѣйствовали на А. В—ча, и онъ больше самъ не говорилъ о монашествѣ.

Встревоженное проводами Вл. В—ча и едва было осуществившимся намѣреніемъ А. В—ча чувство родителей нѣсколько успокоилось другимъ семейнымъ событіемъ—вторичнымъ бракомъ дочери. Ю. В—на была еще молода и полна свѣжихъ силъ; а между тѣмъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе выдвигался вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ ея, въ случаѣ смерти родителей. Единственнымъ исходомъ изъ такого положенія и ей самой и родителямъ представлялся выходъ замужъ. Еще въ 1839 году въ самомъ началѣ, когда Ю. В—на гостила въ Галичѣ у своего дядюшки—смотрителя духовнаго училища, выискался человѣкъ, который готовъ былъ „замѣнить собою ея потерю“ ²⁾). Но тогда дѣло почему-то не пришло къ желанной развязкѣ. Теперь просилъ ея руки нѣкто П. Н. Губастовъ. Родителямъ не было повода отказывать ему и бракъ дочери состоялся.—Черезъ нѣсколько времени, 24 Марта 1841 года, В. С—чь писалъ въ Китай Вл. В—чу: „Петръ Николаевичъ и Ю. В—вна радуютъ собою наше старѣющее одиночество. На прошедшихъ дняхъ Ю. В—на купила усадьбу. Китайскій миссіонеръ, возвратившись изъ Пекина, въ Пріютѣ сестры своей найдетъ себѣ пріютъ. Усадьба называется Пріютомъ; отъ Костромы въ 25 верстахъ, при ней—деревня и двадцать душъ мужеска пола крестьянъ задѣльныхъ. Вотъ наши собственные вѣсти“ ³⁾).

(Продолженіе слѣдуетъ).

С. Поповъ.

¹⁾ Приписка ея на письмѣ В. С. отъ 2 Сент.

²⁾ См. письмо къ А. В. І. Бѣляева отъ 26 Февраля 1839 г., въ арх. Гор—го. Сн. письмо В. С. къ Вл. В. отъ 1839 г. безъ точной даты (у О. П. Салмаиной):—„Я тебѣ передамъ такую вѣсть, которая не можетъ не занять, какъ своею и неожиданностію, такъ и близостию къ твоему сердечку. Нашелся человѣкъ, который рѣшается замѣнить собою и нашу и ея потерю“.